

Н. М. Гиренко

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

(НА ПРИМЕРЕ ТАНЗАНИИ)

Вопросам, связанным с влиянием колониализма на развитие африканских народов, уделялось и уделяется значительное внимание как в советской, так и в зарубежной литературе. Однако основная направленность большинства буржуазных исследований — показать «культурную миссию» колониализма, тогда как основной акцент работ советских исследователей истории Африки — раскрытие хищнической сущности колониализма, его исторической обреченности. Такое понимание сущности колониализма опирается на общие закономерности общественного развития и постоянно подтверждается практикой.

Обращает на себя внимание, что ряд социальных процессов, длившихся в европейских странах в течение многих веков, в странах «третьего мира», к которым относят и Танзанию, нередко совершался в течение жизни одного-двух поколений. Изменения, происходившие в столь короткий срок, ускорили формирование классов и государственности, государственного языка, внутреннего рынка и т. д. Но тем самым происходило накопление предпосылок последующего распада колониальной системы.

Здесь хотелось бы обратить внимание на возникновение в Танзании в колониальный период социальной структуры особого типа — колониального общества. Географические границы ее оформились в ходе колониального раздела Восточной Африки, завершившегося к концу XIX в. Передача Германской Восточной Африки после поражения Германии в первой мировой войне под опеку Англии в данном случае не имела принципиального значения, так как в колониальном управлении произошло мало изменений¹. Временные границы существования колониального общества на территории Танзании условны. Оно сложилось к началу XX в. и прекратило свое существование после предоставления Танганьике независимости в декабре 1961.

Традиционная социальная организация народов, населявших территорию современной Танзании, не была приспособлена для обслуживания колониально-капиталистической экономики. Поэтому метрополия стремилась в известной мере изменить эту организацию в интересах колониальной эксплуатации. Это дает основание рассматривать колониальный период в истории Танзании как время столкновения традиционных общественных структур с привнесенной, стоящей на более высокой ступени развития общественно-политической системой. Колониальное общество — результат этого столкновения. В итоге все народы Танзании были постепенно включены в систему социально-экономических отношений метрополии, хотя и оставались в ней неполноправными, эксплуатируемыми членами. Одной из характерных черт колониального общества являлось то, что вся бюрократия, вся админи-

¹ G. M. Carter (ed.), African one-party states, N. Y., 1964, p. 403.

стративная машина стояла на службе правящих классов метрополии, вне зависимости от того, был ли чиновник африканцем или европейцем. Традиционное общество в колониальный период целиком было подчинено социально-экономической системе метрополии, и дальнейшее общественное развитие традиционного общества шло в рамках обслуживания интересов этой системы. Поэтому необходимо учитывать, что этнографические материалы, собранные в колониальный период, нередко дают описание уже псевдотрадиционных обществ.

При изучении псевдотрадиционного общества очень важно выяснить вопрос о трансформации формы власти.

Чтобы показать основные принципы создания колониальных институтов власти на территории Танзании, обратимся к мнению компетентного в этих вопросах британского чиновника П. Хейли. «Конкретная форма туземной администрации,— писал он,— могла быть различной на отдельных территориях. Однако во всех случаях она обеспечивала те мероприятия, с помощью которых управление колонией, с его ограниченным количеством учреждений, могло создать административную машину, необходимую для достижения вполне определенных целей. Наиболее важными из них были следующие: наблюдение над племенными и прочими институтами, регулирующими внутренние дела у большинства африканских обществ; поддержание законности и порядка; обложение налогом и сбор его; обеспечение службы управления на местах; организация судебного разбирательства широкого круга дел, если обе стороны — туземцы»². Во главе такой администрации на местах стояли вожди. «Туземная» форма ее была необходима для «поддержания мира и стабильности традиционного общества»³, т. е. для гибкого проведения в жизнь мероприятий, планировавшихся европейской колониальной службой⁴.

Не каждый традиционный вождь мог возглавлять такой административный аппарат. Обязательным условием было официальное признание его и утверждение колониальными властями⁵.

Колониальное управление состояло из двух неравноправных сфер: высшая — европейская колониальная администрация, низшая — «туземная» колониальная администрация, с помощью которой решения и установки европейской администрации доводились до местного населения, приобретая «туземную», «национальную» форму.

Следует обратить особое внимание на то, что «туземная администрация» была частью общей системы колониального управления территорией, финансировалась из общего бюджета колонии. Такое финансирование теоретически рассматривалось как рычаг, с помощью которого «туземные власти» должны были превратиться в органы местного управления по британскому образцу.

Очевидно, что слой «туземной администрации» в целях служения интересам колонизаторов должен был находиться в отрыве от традиционных обществ, так как интересы колониальной администрации не совпадали с интересами отдельных традиционных общностей. Этот неизбежный отрыв туземной администрации от колонизируемого общества

² P. Hailey, *Native administration in the British African Territories*, London, 1951, pt. 4, p. 1.

³ Там же, стр. 2.

⁴ В отношении функций «туземных» судов П. Хейли не совсем точен, утверждая, что они разбирали случаи, когда обе стороны были местными жителями. Если в существе дела наличествовали элементы, чуждые туземному образу жизни, то суд не был обязан придерживаться «традиционных правил и обычаев» и в силу вступало уже английское законодательство (см.: T. O. Elias, *Customary law. The limits of its validity in colonial law*, «African Studies», vol. 13, № 3—4, 1954, p. 98), хотя «традиционный» суд и состоял, как правило, из совета старейшин и вождя, которым «помогали» представитель европейской администрации и секретарь, назначаемые колониальной службой.

⁵ A. Richards (ed.), *East African chiefs*, London, 1960, p. 245.

ва по существу, несмотря на формальное сохранение «традиционности», представляется одной из главных особенностей так называемых туземных властей; одна часть «туземного» общества эксплуатировалась через посредство другой. При этом колониальные власти не были заинтересованы в чисто территориальном или политическом (административном) дроблении крупных традиционных обществ, так как это вело к увеличению числа оплачиваемых чиновников.

Социальное расслоение традиционного общества ускорялось экономической политикой колонизаторов. В основном она была направлена на создание свободной, оторванной от основных средств производства рабочей силы. Наиболее надежным средством для достижения этой цели было внедрение частной собственности, в первую очередь на землю, поощрение частного предпринимательства. Этой сложной в условиях традиционного африканского хозяйства задаче уделялось огромное внимание⁶.

Метрополия не была заинтересована во всестороннем экономическом развитии колониальных территорий, в создании многочисленной и особенно крупной местной буржуазии. Нужна была такая деформация традиционного общества, которая способствовала бы эксплуатации его с максимальной отдачей, но в пределах уже сложившейся экономической системы метрополии. В идеале колонизаторы хотели бы все население колоний превратить в эксплуатируемый класс. Фактическое же вовлечение населения колонии в сферу капиталистической экономики неизбежно стимулировало социальное расслоение в самом традиционном обществе. Институт «туземной администрации» призван был направить этот процесс в нужное метрополии русло, так как колонизаторы понимали, к чему может привести общественное развитие внутри так называемого колониального государства⁷. Создание «туземной администрации» по английским образцам, но с традиционными атрибутами можно рассматривать как попытку задержать самостоятельное развитие колонизируемого общества путем превращения уже появившихся или возникающих эксплуататорских элементов (например, вождь, старейшина) по сути дела в колониальных чиновников. Таким образом, эти лица ставились в подчиненное положение по отношению к буржуазии метрополии, превращались в ее действительное орудие. Формально это считалось «укреплением местной традиционной власти путем предоставления традиционным институтам государственных полномочий»⁸. По существу же традиционные власти лишались самостоятельности, становясь проводниками политики, чуждой обществу, частью которого они считались. Формально они функционировали в системе традиционного общества, что подчеркивалось сохранением регалий и т. п., по существу же они функционировали в системе метрополии, причем в качестве низшего слоя колониальной бюрократии. Такое положение «туземной администрации» отражало противоречивость экономики колониального общества, которая должна была работать на метрополию и находилась в зависимости от мировой конъюнктуры. Это требовало решительного слома традиционных социально-экономических систем, введения товарных культур и плантационного хозяйства, высвобождения постоянного резерва свободной рабочей силы. Но такие коренные преобразования были невозможны без значительных вложений капитала в традиционную экономическую сферу, на что колонизаторы не могли пойти. Кроме того, все это уж никак не способствовало увеличению стабильности традиционного общества.

⁶ A. A. Oldaker, Tribal customary land tenure in Tanganyika, «Tanganyika Notes and Records» (далее TNR), 1957, № 47, p. 117—145.

⁷ R. L. Buell, The native problem in Africa, vol. 1, N. Y., 1928, p. 451—452.

⁸ P. Hailey, Указ. раб., ч. 4, стр. 17

Наиболее эффективным методом «заставить негра работать» на европейца было введение налогового обложения⁹. В Танганьике подушный налог был введен немцами в 1897 г. Социальные последствия этого шага трудно переоценить: через налоговую систему (вне зависимости от размера налога) все местное население включалось в сферу товарно-денежных отношений, в сферу мировой экономики¹⁰.

Вопрос о роли налогового обложения часто либо игнорируется в работах зарубежных авторов, либо налоги приравнивают к «традиционной дани». В рецензии на справочник П. Хейли «Африканское обозрение» К. Янг отмечал: «...Способность африканцев платить налог принимается как нечто само собой разумеющееся. Однако, за незначительными исключениями, подобная форма «дани» была совершенно чужда африканским обществам, и связь между налогом и традиционной данью вождю весьма формальна»¹¹. Стремление представить денежный налог как закономерное развитие традиционного подношения заметно, в частности, в монографиях, посвященных отдельным этническим общностям Танганьики. Так, Д. Малькольм в книге «Сукумаленд» сообщает: «Раньше вожди принимали от народа подношения зерном и щедро использовали его на благо всего общества; так что с организацией «туземных фондов» форма подношений была просто видоизменена — казначейства представляли собой лишь незначительное изменение старой практики.— Н. Г.), а не введение совершенно нового принципа»¹². Но такое «формальное» видоизменение традиционной дани произошло у всех народов Танганьики вне зависимости от уровня их социально-экономического развития ко времени колонизации. Обложение налогом толкало большие массы населения на поиск работы, на продажу рабочей силы (в конечном счете европейцу), чтобы затем ему же выплатить налог. Этот пример, как мне кажется, наглядно иллюстрирует основной принцип экономической деятельности европейцев: взять как можно больше при минимальных затратах. Причем основной упор делался не на повышение интенсивности традиционного сельского хозяйства, а на повышение эффективности административного аппарата. Уровень развития традиционной экономики оставался очень низким.

* * *

До колонизации на территории Танзании не было единой общественно-политической организации в масштабе всей страны. Первые путешественники застали здесь большое количество самостоятельных политических объединений, границы которых не совпадали с «этническими» границами. Эти общности находились на разных ступенях общественно-экономического развития. Реакция их на колонизацию зависела от политической ситуации в конкретном районе, но в значительной мере она определялась тем, в какой мере колонизация подрывала экономические основы традиционного общества. Степень жизнеспособности традиционных общественных институтов в условиях колонизациишла своеобразное отражение в формах «туземной администрации» колониального периода. П. Хейли выделяет три основных типа последней:

1) Власти, осуществляющие контроль над населением исключительно в соответствии с предписаниями Уложения о туземной администрации. Это лица, назначаемые колониальной службой и не имеющие даже

⁹ Ж.-П. Гарруа, Африка — умирающая земля, перевод с фр., М., 1954, стр. 272.

¹⁰ Подробный анализ механизма этого процесса на примере народа тив см.: Р. J. Vohannaп, The impact of money on an African subsistence economy, в сб.: J. Middleton (ed.), Black Africa, N. Y., 1970, p. 14—22.

¹¹ «Journal of the Royal African Society», Supplement, 1939, p. 32.

¹² D. W. Malcolm, Sukumaland, London, 1953, p. 85.

формально традиционного статуса. Такой тип администрации был распространен там, где трудно было найти традиционные власти, способные выполнять функции колониального управления на местах;

2) Традиционные власти, получившие политическое признание на первых этапах колонизации, но оказавшиеся неспособными справиться с требованиями, предъявленными европейской колониальной службой;

3) Традиционные по форме власти, сумевшие обеспечить колониальное управление на местах.

Рассмотрим несколько подробнее типы «туземной» администрации, условно выделенные П. Хейли. Первый тип — практически назначаемые европейской администрацией чиновники, не имеющие традиционных связей с общностями, находящимися в их подчинении. Этот тип администрации был распространен в Южной провинции (районы Масаи, Невала, Микиндани, Кильва, Линди и др.), в Восточной провинции (прибрежная зона), в провинции Танга (районы Карагве, Багамою, Танга). В этих районах проживали такие этнические общности, как нгиндо, макуа, яо, маконде, мверу, нгани, зарамо, зигуа, дигей, сегоджу, руфиджи и пр. Особо следует отметить суахили, жителей прибрежных торговых городов и поселений. Этническая общность суахили возникла на основе древних контактов населения прибрежных районов Восточной Африки с жителями побережья и островов Аравийского моря. Морской промысел и торговля были экономической основой складывающейся общности. Ко времени колониального раздела Африки политическим и экономическим центром суахили был Занзибар. Развитие работорговли и товарообмен городов суахилийского побережья — центров этнической консолидации суахили — с народами прилежащих континентальных районов ставили эти народы в экономическую зависимость от суахили. Влияние суахилийской культуры не ограничивалось только прибрежными районами. Сеть караванных дорог тянулась далеко во внутренние районы Восточной Африки, а параллельно с торговлей шло и распространение языка населения побережья — суахили, который и воспринимался как язык торговцев. Одновременно шло проникновение в эти районы отдельных элементов экономической и духовной культуры городов суахилийского побережья. Караванная торговля в значительной мере подчиняла себе экономику тех народов, которые принимали в такой торговле активное участие, и тем связывала их хозяйство с хозяйством суахилийского побережья. К середине XIX в. в городах и торговых центрах непосредственно прибрежной зоны правила султанская администрация, они входили в Занзибарский султанат. Более отдаленные районы сохраняли политическую самостоятельность, но так как они участвовали в торговле, все значительные изменения в экономической и политической жизни Занзибарского султаната влияли и на жизнь народов этих областей. Экономическая зависимость внутриконтинентальных районов от Занзибара нашла свое отражение в суахилийской пословице «Когда на Занзибаре играют на флейте, вся Восточная Африка пляшет». До колониального раздела восточноафриканское побережье было исходным и конечным пунктом большей части караванов. Население прибрежных районов постоянно подвергалось набегам работорговцев¹³.

С каждого каравана, прибывающего из внутриконтинентальных районов в город на побережье, взималась пошлина как в пользу занзибарского султана, так и в пользу джумбе — правителя этого города.

Термин «джумбе» использовался и в качестве титула вождя у некоторых народов прибрежной зоны. Как правило, джумбе признавал

¹³ См., например: W. H. Whiteley (ed.), *Maisha ya Hamed bin Muhammad*, Kampala, 1969, p. 15.

свою зависимость от занзибарского султана. По традиции должность джумбе занимал представитель одного из старинных кланов данной местности. Он либо избирался советом старейшин с учетом мнения джумбе соседних районов, либо назначался султаном; такой назначенный глава поселения иногда именовался вакили, т. е. полномочным представителем султана. Джумбе имели право наделять земельным участком, участком для строительства дома, для плантации. Большую часть дохода джумбе получали от торговли, в том числе от работорговли¹⁴. Контроль за деятельностью джумбе (мн. ч.—ваджумбе) осуществлял чиновник султана, носивший звание «акида» и не имевший в данном районе статуса традиционного вождя. Формально акиды находились в подчинении у джумбе. В местности, представлявшие особую важность для султана, назначались «ливали» — наместники последнего.

Традиционная торговля на Индийском океане, составлявшая основу экономики городов суахильского побережья, с приходом европейцев перестала существовать. С подрывом экономики и политическим разделом суахильского берега между Германией и Англией стал падать и политический престиж занзибарского султана. Не найдя у него поддержки, отдельные суахильские лидеры самостоятельно пытались восстановить свои традиционные привилегии и доходы. К таким выступлениям можно отнести восстание Бвана Хери (1888—1894) и Абушири бин Салима (1888—1889), войны племен хехе (1891—1898) и восстание «Маджи-маджи» (1905—1907). Войны сопровождались голодом, гибелью большого числа людей и экономическим упадком, способствовали подрыву традиционной социальной организации народов востока и юго-востока Танганьики¹⁵.

После подавления восстаний на покоренных территориях формально восстанавливалась прежняя система управления. Но теперь и джумбе, и акиды назначались колониальной службой из удобных им лиц, причем далеко за пределами районов распространения бывшей султанской администрации. Если ранее существовала разница в положении джумбе и акидов, то после подавления восстаний это различие исчезло: положение джумбе практически было приравнено к положению акида¹⁶.

В период немецкого владычества в Танганьике джумбе и акиды были низведены до положения чиновников, назначаемых колониальными властями. Экономически и политически они полностью зависели от этих властей и к традиционной социальной организации фактически уже никакого отношения не имели. Ошибочно считать, будто немцы распространили на Танганьику занзибарскую систему акид и джумбе, т. е. что они использовали элемент традиционной социальной системы, в данном случае суахильской. Точнее полагать, что заимствована была лишь терминология суахили. После перехода немецких колониальных владений в Восточной Африке под опеку Великобритании этот же «туземный аппарат» продолжал существовать и в системе колониальной администрации англичан.

Второй тип «туземной» администрации был наиболее характерен для Центральной Танганьики, где на юге жили многочисленные племена гого, сагара, лангва, ньямванга, сафва, сангу и частично яо; в центральной полосе — погоро, бунга, ндемба и руфиджи; в восточной части — самбара, нгуу, зигуа и др. Это все районы слабо развитого скотоводческого, земледельческого и смешанного хозяйств. Почвы здесь, как правило, весьма скудны. Засуха, падеж скота — регулярные явления¹⁷.

¹⁴ L. Harries (ed.), Swahili prose texts (Mali ya Jumbe), London, 1965, p. 48.

¹⁵ P. Hailey, Указ. раб., ч. 1, стр. 300.

¹⁶ Там же, стр. 213.

¹⁷ См. Cl. Brooke, The heritage of famine in Central Tanzania, TNR, 1967, № 67, p. 15—23.

Население отличалось большой мобильностью, имелось много свободных земель, пригодных для хозяйственного использования. Плотность населения была весьма незначительна¹⁸. В эти места часто мигрировали различные племена, вытесненные из более благоприятных в экономическом отношении районов воинственными народами, такими, как игони, масаи¹⁹. Указанные области первоначально не представляли особого экономического интереса для европейских колонизаторов. Их главное значение заключалось в том, что здесь проходили торговые караваны. Пока велась караванная торговля (с образованием колонии она исчезла), местные вожди взимали с проходящих караванов пошлину в виде части товаров (так называемое хонго), предоставляя взамен право пользоваться источником воды и выменивать продовольствие у подчиненного этим вождям населения. Поскольку здесь отсутствовали крупные политические объединения, народы этих районов не могли оказать серьезного сопротивления экспансии европейцев. Протест отдельных мелких вождей, вызванный лишением традиционного права на «хонго», быстро подавлялся карательными экспедициями.

Самой заметной фигурой у народов этих областей был ритуальный лидер — как правило, глава клана. Основные его функции заключались в регулировании обряда инициации, отправлении общих для группы кланов ритуалов поклонения предкам, «освящении земли» при открытии очередного сельскохозяйственного сезона. Основной административной властью обладали главы большесемейных общин. Такой глава исполнял и ритуальные функции, но только по отношению к членам его общины²⁰. Эти общины, ведя полуседлый образ жизни, не создавали постоянных поселений. Однако, если позволяло плодородие земли и состояние пастбищных угодий, несколько общин, нередко принадлежащих к различным кланам, могли жить в близком соседстве, образуя некое подобие постоянного селения. Решение вопросов, жизненно важных для всего такого сообщества, регулировалось советом старейшин, в который входили представители всех общин, особым авторитетом в совете пользовались представители клана, первыми обосновавшегося в данной местности. Если такое сообщество сохранялось длительное время, то авторитет, а с ним и «власть» могли перейти в руки того из глав кланов, который проявил наибольшую «способность» вызывать дождь. Такое качество лидера высоко ценилось у многих народов Тропической Африки.

В начальный период германской колонизации Танганьики, когда авантюристы типа Карла Петерса юридически оформляли «права» немецких колонистов на обширные территории внутренних районов, традиционных лидеров заставляли подписывать документы, не имеющие смысла с точки зрения традиционных законов. Так, в «договоре» К. Петерса с одним из мелких вождей в Усагара записано: «...Султан Мангунго предлагает всю свою территорию со всеми жителями доктору Карлу Петерсу как представителю Общества для германской колонизации в целях полной и всеобщей утилизации ее для германской колонии». И далее: «... В соответствии с этим султан Мангунго настоящим передает всю территорию Мсоверо, принадлежащую ему по наследству или на других основаниях, на все времена Карлу Петерсу, передавая ему одновременно все свои права. Доктор Карл Петерс от имени Общества ... возлагает на себя обязанность уделять особое вни-

¹⁸ M. S. Thomas and G. W. Wittington (eds.), *Environment and land use in Africa*, London, 1969, p. 252—253.

¹⁹ R. L. Buell, Указ. раб., стр. 445—448.

²⁰ См., например: P. Rigby, *Cattle and kinship among the Gogo*, Ithaca — London, 1969, ch. V.

мание МсOVERO при колонизации области Усагара»²¹. Далее следовала подпись Петерса и условные знаки — подписи лиц, присутствовавших при «заключении договора». Интересная деталь: в «договоре» сказано, что султан Мангунго «даже не слышал о занзибарском султানে». Очевидно, в данном случае имелось в виду, что султан области МсOVERO не является подданным Занзибарского султаната и сама область — суверенная территория. Для немецких колонизаторов это было важно подчеркнуть, чтобы оградить «свои» территории от юридических притязаний Англии, к тому времени фактически овладевшей Занзибаром. Захват Танганьики немцами проходил «решительно и энергично», в полном соответствии с манифестом общества К. Петерса. Уже к 1888 г. в немецкой Восточной Африке действовало 30 немецких компаний и начался экспорт табака в Германию.

«Договоры», заключенные К. Петерсом и другими авантюристами, имели значение в первую очередь для самих немцев: на их основе происходило разграничение сфер экономической деятельности между отдельными компаниями и странами. О. Т. Бидельман отмечал, что весь смысл подобных «договоров» заключался именно в оформлении документов на землю, причем на гораздо большую площадь, чем та, где европейцы реально побывали²². Эти документы в действительности нельзя считать договорами, ибо традиционные лидеры, как правило, не имели представления об их истинном содержании. Однако сами они по этим «договорам» получали от колонизаторов официальный статус вождя (султана, джумбе). Более того, они должны были осуществлять административные функции не только в районе, где пользовались реальным влиянием, но и за его пределами. Однако в других районах такой вождь не обладал ни родственными связями, ни правами первопоселенца. При поддержке колонизаторов эти вожди могли некоторое время справляться с такими обязанностями, как сбор налога. Но, опираясь только на них, колонизаторы не в состоянии были создать сколько-нибудь стабильную систему административного управления.

Дело в том, что традиционные власти этого типа оказались слишком консервативными, чтобы служить активными проводниками колониальной политики. Привнесенная европейцами система административного управления, построенная на территориальном принципе, могла использовать традиционные социальные институты этого типа только в своих низших звеньях — в общине, в домохозяйстве. Для осуществления собственно административной власти в район поселения группы кланов назначался колониальный чиновник-африканец, именовавшийся джумбе, вакили или даже султани. Он представлял группу кланов в вышестоящей административной инстанции, т. е. у районного комиссара — европейца, и доводил распоряжения последнего до совета старейшин родственных групп, если таковой имелся. Преемником такого «пассивного агента комиссара дистрикта»²³ назначали его прямого наследника, которого старались заранее определить в миссионерскую школу. Наследование должности должно было придать стабильность этому псевдотрадиционному социальному институту.

Отсутствие крупных политических объединений характерно для большинства районов Танганьики ко времени активной колонизации. Исключением можно считать военно-политические союзы хехе и нгони. К середине XIX в. многочисленные племена хехе были объединены вождем Муягумба. Толчком к образованию этого объединения послужило вторжение в южные районы Танганьики нгони — осколков военной

²¹ G. L. Steere, *The Judgement on German Africa*, London, 1939, p. 250—251.

²² T. O. Beidelman, *A brief history of Ukaguru*, TNR, 1958, № 58, p. 23—24.

²³ P. Hailey, *Указ. раб.*, ч. 1, стр. 261.

«империи» зулусов. В этническом смысле нгони были далеко не однородны²⁴, но система военной иерархии связывала их в единый социальный организм. К середине XIX в. нгони подчинили себе почти все племена юга Танганьики от оз. Ньяса до побережья Индийского океана. Принято считать, что хехе смогли остановить продвижение нгони на север благодаря тому, что заимствовали от них военную организацию и технику ведения боя²⁵. Интересно отметить, что существовало и такое мнение, будто хехе и родственные им бена сами являются остатками вторгшихся нгони²⁶. Когда вспыхнуло восстание на побережье, хехе поддерживали выступление Абушири бин Салима, а в 1891 г. самостоятельно начали войну против немцев. Через четыре года отряды хехе были разбиты регулярными войсками колонизаторов. Вождь хехе Мквава (преемник Муягумбы) бежал и продолжал партизанскую войну до 1898 г., когда он с несколькими последователями попал в окружение и застрелился. Во время военных действий и в карательных экспедициях были истреблены почти все вожди хехе и их родственники. После «умиротворения» немцы пытались выявить остатки прежних племен и на их основе создать свою систему управления. Это оказалось невозможным. Традиционный тип связей остался только на уровне клана, как у гого, лангва, сафва и пр.

Впоследствии все хехе управлялись уже через немецких ставленников, которые хотя и именовались джумбе, но к традиционной структуре никакого отношения не имели. С переходом Танганьики под управление англичан у хехе была искусственно «воссоздана» традиционная организация: один из дальних родственников Мквавы был назначен верховным вождем — «мтва», всю территорию, отведенную для хехе, поделили на административные районы с «районными вождями» (ванзагия) и подчиненными им старостами (вапакази). Однако никаких попыток восстановить традиционную организацию хехе в том виде, какой она была в правление Мквавы, не делалось²⁷.

Примерно такая же судьба постигла нгони. Их «знакомство» с немецкой колонизацией началось с того, что главы их военной организации были приглашены в немецкий укрепленный пункт «на совет» и там уничтожены (1897 г.). Это явилось столь сильным ударом для военно-политической организации нгони, что они не нашли сил для открытого сопротивления колонизаторам вплоть до 1905 г., до так называемой войны Маджи-маджи. Они, как и другие народы, участвовавшие в этом антиколониальном восстании под мистическими лозунгами, потерпели поражение. Колонизаторы широко применяли тактику выжженной земли. От голода, последовавшего за жестоким подавлением восстания, погибло еще больше людей, чем от военных действий²⁸. Традиционная социальная организация нгони была окончательно разрушена²⁹.

Основой третьего типа «туземной администрации» (если следовать типологии П. Хейли) стали традиционные власти таких сообществ, как хайа, ха, многочисленные племена группы ньямвези-сукума, чагга и некоторые другие. Главным образом это группы населения севера, северо-запада и запада Танганьики. Но сюда же можно отнести бена, проживающих на юге, и шамбала — на востоке, а с другой стороны, к этому типу не принадлежат, например, масаи, кочующие в северных районах страны.

Сохранение в этих обществах традиционной формы социальной организации в условиях колониального управления можно, на наш

²⁴ G. W. Hatchell, *The Angoni of Tanganyika Territory*, «Man», 1935, № 73.

²⁵ I. N. Kimambo, A. J. Temu (eds.), *A history of Tanzania*. Nairobi, 1969, p. 69.

²⁶ H. M. Stanley, *Through the Dark Continent*, N. Y., 1878, vol. II, p. 339.

²⁷ P. Hailey, Указ. раб., ч. 1, стр. 270.

²⁸ O. B. Marunda, *The Maji Maji war in Ungoni*, Dar-es-Salaam, 1969, p. 26.

²⁹ Там же, стр. 14.

взгляд, объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, хотя население этих районов участвовало в караванной торговле, она еще не стала основой их экономики. В основном это были зоны развитого земледелия с относительно богатыми почвами и хорошими климатическими условиями. В районах, где отсутствовала муха це-це, обычно развивалось хозяйство смешанного, земледельческо-скотоводческого типа. Прекращение караванной торговли не сказалось на них так сильно, как в прибрежной зоне. Во-вторых, лишение вождя дохода с торговли вызвало протест, в частности в районе Уньянембе, однако сильного сопротивления колонизации эти вожди оказать не могли, ибо здесь отсутствовали крупные военные объединения того типа, как у хехе или нгони. В-третьих, ко времени прихода европейцев у населения этих районов уже начался процесс образования межплеменных политических объединений. Кровнородственные связи с племенем еще считались необходимым атрибутом вождя, но они становились настолько запутанными, что реальным критерием старшинства становилось не положение в традиционной родственной иерархии, а наличие большого числа подданных³⁰. В стремлении расширить свое влияние вожди прибегали ко всевозможным интригам для уничтожения политических соперников. Например, известный вождь Мирамбо сумел в 1871 г. распространить свое влияние на всю территорию ньямвези-сукума³¹. Со смертью Мирамбо его «империя» тотчас перестала существовать. Вожди предгорий Килиманджаро активно привлекали на свою сторону не только воинственные соседние племена, например масаев, но и отряды арабов и суахили, проходившие по подвластным этим вождям территориям³². В междоусобицу нередко вовлекались и европейцы. Бывали случаи, когда традиционные лидеры этих районов пытались устанавливать отношения с властителями Уганды, Занзибара, даже Англии и Германии.

В силу всех этих обстоятельств европейская экспансия в указанные районы не вызвала такого решительного сопротивления, как на юге и востоке, и местные традиционные власти стали опорой системы «туземной администрации» при немцах и англичанах. Правда, в колониальный период эти власти по существу утратили свою «традиционность». Это можно заметить по тому, как быстро отмирали, например, элементы обряда возведения в ранг вождя, несмотря на стремление колониальных властей сохранить институт вождя в традиционной форме³³.

Из изложенного выше схематического обзора основных типов «туземной администрации» в колониальной Танганьике видно, что систему управления на указанной территории лишь условно можно именовать «косвенным управлением». Большая часть колонии по существу управлялась назначаемыми чиновниками. «Традиционные власти» колониального периода — это фактически тоже колониальные чиновники.

Если они оказывались неспособными к исполнению возложенных на них обязанностей, их замещали назначенными лицами. Сочетание систем прямого и «косвенного» управления, правда в разных пропорциях, типично не только для британских территорий, но и для французских владений³⁴. Это вполне естественно, так как нет и принципиальной разницы в сущности этого управления. Вопрос, очевидно, не в том, как колонизаторы хотели управлять захваченными территориями, а в том,

³⁰ A. J. Kimambo, A. I. Temu, Указ. раб., стр. 82—83.

³¹ Анализ деятельности Мирамбо см.: N. Bennet, Mirambo of Tanzania, in: «Studies in East African History», Boston, 1963, p. 23—24.

³² K. M. Stahl, History of Chagga people of Kilimanjaro, TNR, 1964, № 64, p. 33—49.

³³ См.: R. E. S. Tanner, The Installation of Sukuma chief in Mwanza District, Tanganyika, «African Studies», vol. 16, № 4, 1957, p. 207 (table).

³⁴ B. Davidson, Africa. History of a continent, London, 1966, p. 283.

как они могли это практически осуществлять. Во всех случаях в основе процесса колонизации лежало включение колонии в качестве подчиненного элемента в социально-экономическую систему метрополии. Это сопровождалось политическим подчинением, перестройкой традиционной экономики, изменением содержания традиционных общественных институтов до такой степени, чтобы они могли служить целям эксплуатации. В противном случае эти институты беспощадно уничтожались. Параллельно шло «окультуривание туземца» — лишь в той мере, к какой это было нужно для получения максимальной прибыли от его труда, но без предоставления коренным жителям возможности для свободного социального и культурного развития, права занимать равное с европейцами положение в насаждаемой общественно-экономической системе.

**THE COLONIAL REGIME AND TRADITIONAL
SOCIAL INSTITUTIONS
(ON MATERIAL FROM TANZANIA)**

The article deals with certain features of the social structure of the community that emerged in the territory of present day Tanzania with the establishment of the colonial regime. An attempt is made to show the relations between traditional and newly introduced elements in the social structure of this community, which is designated here as «colonial society». The tendencies in the establishment and evolution of colonial society were determined by the exploiter nature of colonialism and by the level of social and economic development attained by traditional societies at the time of colonization. The author draws attention to the contradiction underlying colonial policy: on the one hand, an incentive existed for developing the colony's economy to a certain extent, with a view to a more effective exploitation of its labour force and natural resources. On the other hand, there was a desire to preserve the colonial regime, to conserve social backwardness. In practice both social and economic progress was hampered. However, traditional institutions were, in that period, included in the machinery of colonial administration, where they formed its lowest stratum, or were eliminated. Traditional social-political communities became transformed into territorial-administrative units. The subordination of social development to the needs of the colonial powers led in practice to the people becoming aware of the exploiter nature of the regime.

These features of colonial society should be taken into account in analysing ethnographic data for the colonial period.
